

УДК 81'373.612.2
ББК 81.2Р

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБА ЧЛЕНЕНИЯ ПОЗНАВАЕМОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

О.В. Евтушенко

Статья посвящена оценке когнитивных возможностей метафоры и анализу их диахронических изменений. Исследуются пары, цепочки, пучки и венки метафорических наименований государства, представленные в художественной прозе XVIII–XXI вв., определяется их роль в структурировании знаний о государстве. Делается вывод об изоморфизме структур понятийного и метафорического уровней концепта *государство*.

Ключевые слова: процесс познания, художественная речь, структура концепта, метафора, когнитивное отображение.

Корни проблемы, связанной с возможностью рассмотрения «искусства как познания», уходят в давний спор сенсуалистов и рационалистов. Так, например, Г.-В. Лейбниц противопоставлял научное познание, опирающееся на символические языки логики и математики, интуитивному, осуществляемому средствами естественного языка и искусства (подробный анализ см.: [4]).

Эту антиномию А.А. Потебня взял за основу для выделения двух типов мышления, которые, как он считал, объективируются в «прозаической» и «поэтической» речи. Под первой он понимал язык науки и философии, под второй – язык народной поэзии и художественной литературы. Дополнительным типологическим признаком мог служить способ получения знания. Как писал А.А. Потебня, «наука раздробляет мир, чтобы сызнова сложить его в стройную систему понятий», тогда как «поэзия... <...> ...удовлетворяет врожденной человеку потребности видеть везде цельное и совершенное» [12, с. 177]. «Поэтический образ не разлагается во время своего эстетического действия, – отмечал ученый, – тогда как научный факт тем более для нас осмыслен, чем более раздроблен» [там же, с. 176–177]. Слабым местом этой концепции

был упор на образ, а не на слово и связанное с ним понятие и, как следствие, отказ художественной речи в способности членить действительность в процессе ее познания.

Наши исследования показывают, что художественное (то есть объективируемое в художественной речи) мышление не уступает научному в способности к дроблению понятий. Для доказательства этого положения мы выбрали самый «неподходящий» концепт – *государство*. Он не должен был бы устраивать нас хотя бы потому, что далеко не все ученые склонны считать его концептом. В частности, В.В. Красных характеризует *государство* как «мимикрировавшее под концепт понятие» [5, с. 121]. Кроме того, оно принадлежит рациональной сфере, в рамках официально-делового стиля входит в составные термины и само функционирует как термин, а для художественной речи является периферийным. Однако мы учитываем также мнение Дж. Лакоффа: «Нефизические области – эмоции, язык, социальные институты и т. д. – возможно, наиболее важны для изучения ума» [7, с. 239]. Отталкиваясь от этого тезиса, мы выбрали для анализа именно *государство*.

Членение понятийного уровня концепта *государство* обыденным сознанием представлено в работе Ю.Н. Караулова и О.Д. Михайлова [3]. Однако выделение частей исследователями было осуществлено с помощью научных методов – количе-

ственного измерения, обобщения и противопоставления. Нам же важно понять, пользуется ли художественное мышление аналитическими процедурами вообще, и если пользуется, то какими именно. Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к художественным текстам XVIII–XXI веков.

Наше внимание привлек достаточно богатый метафорический уровень концепта. Были рассмотрены контуры, создаваемые метафорической проекцией каждого из обнаруженных «источников» (термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона) на выбранную нами «цель» – *государство*. Известно, что «когда элементы области назначения хорошо структурированы, соответствие между элементами области отправления и области прибытия метафорической функции отображения может быть взаимно-однозначным» [1, с. 12]. Действительно, в художественной речи набор живых и стертых метафор *государства* оказался именно таким, какой необходим, чтобы полностью покрыть набор единиц понятийного уровня – не больше и не меньше. Это не соответствовало выводам В.В. Красных, которая, проанализировав материалы 500 Интернет-сайтов с упоминанием *государства*, заключила, что для метафорического переосмысления соответствующего понятия используются всего лишь два кода: антропный и, реже, строительный. Расхождения в результатах исследований вызваны, во-первых, выбором материала (в исследованиях В.В. Красных материал отражает только обыденное мышление) и, во-вторых, ограничениями на тип метафор, установленными В.В. Красных (ее интересовали только воспроизводимые языковые единицы – стертые метафоры и фразеологические обороты, поскольку лишь они могут претендовать на статус лингвокультурных феноменов, или знаков языка культуры [5, с. 120–121]). Количественные и качественные различия между процедурами метафорической обработки знаний, отражающиеся в обыденной и художественной речи, привели нас к выводу, что художественное мышление настроено на дробление результатов отражения той действительности, которая мало доступна органам чувств, и для достижения этой цели активно использует метафору.

Чтобы оценить возможности метафоры как средства познания, рассмотрим соотношение нескольких единиц понятийного и метафорического уровня.

Метафора «Государство – Бог»: *Мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству... <...> Да, это была торжественная литургия Единому Государству* (Замятин. Мы) [14]; *После Афгана другой Бог – правительство или государство наше – ох и попил у меня кровушки* (Буйда. Город палачей) [10]. Результатом проекции этой метафоры на выделенный в качестве «цели» фрагмент познаваемой действительности (государство) является набор смыслов, полученный научными методами при описании понятийного уровня концепта *государство*, а именно ядерный концепт *власть* и компоненты энциклопедической зоны – *величие, сила*.

Метафора «Государство – дом (строение)»: *Предпринял он заглянуть в те и другие углы нашего государства* (Гоголь. Мертвые души) [там же] – профилируются ядерная единица понятийного уровня *территория* и единица ближней периферии – *страна*; *Не только его дела о **строении** государства, но даже его семейные скорби были истинными скорбями для народа* (Лесков. Божedomы) [там же]; *Мы живем не в лесу, а в **благоустроенном** государстве!* (Достоевский. Подросток) [там же]; *Ибо государство, из коего вынут хоть один закон, немедленно обратится в **грудь** анархических **развалин*** (Соболев. Капитальный ремонт) [там же]; *Государство – это **многоэтажное здание**, все этажи которого прозваниваются и сообщаются лестницей. Причем этажи постепенно сужаются, пока не останется наверху одна комната, где и помещается пульт управления* (Шукшин. Штрихи к портрету) [там же] – профилируется ядерная единица *государственный строй*; *Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство, и его нравственность* (Достоевский. Бесы) [там же] – профилируется последняя фаза сценария (кстати, метафора является единственным способом выделения фаз развития государства, чем, вероятно, можно объяснить отсутствие упоминания о сценарии в научном описании понятийного уровня данного концепта); *Неужели об-*

валились спасительные **вековые стены** *Единого Государства*? Неужели мы опять **без крова**, в диком состоянии свободы – как наши далекие предки? (Замятин. Мы) [14] – единица фрейма *самодержавное, тоталитарное государство* и единица энциклопедической зоны – *порядок*; *Торжество омрачено было некоторым замешательством, вызванным врагами счастья, которые тем самым, естественно, лишили себя права стать кирпичами обновленного вчера фундамента Единого Государства* (Замятин. Мы) [там же] – ядерная единица *люди* и единица ближней периферии *гражданин*; *Солнце – оно тоже горит скупно и социально: более чем на одного трудящегося едока оно хлеба не нагревает, стало быть, вкушающих гостей в государстве быть не должно* (Платонов. Государственный житель) [10] – единица ближней периферии *человек* и дальней периферии – *гражданский долг, польза государству, работа*.

Метафора «Государство – машина»: *Государство вам представляется очень простой машиной. – Напротив, очень сложной – никто и не думает братья за нее, но судить об искусстве управления может всякий* (Гарин-Михайловский. Гимназисты) [там же] – профилируются ядерная единица *государственный строй* и связанный с ним фрейм, а также единица ближней периферии *управление*, которая к тому же подсказывается содержащимся в контексте полисемантом *управление*.

Метафора «Государство – табун»: *Это не государство, которое умело бы подражать Европе; это не общество, а это... это табун... это дикий киргизский табун, который несется туда... к черту в зубы, на восток... к дьяволу... и... и... и хочет всем ржать про свое русское вассалетное направление* (Лесков. Кувырков) [там же] – профилируется единица ближней периферии *политика*, интертекстуальное сопоставление с гоголевской тройкой (обнаруживающее смыслы «организованный», «единство») и эксплицированный в контексте отрицания компонент «общество» указывают на единицу ближней периферии *общество*, слова *несется* и *направление* задают единицу дальней периферии – *будущее*.

Нетрудно заметить, что важную роль в членении действительности и структурировании знаний играют «следы метафорической проекции» (термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона [8]), то есть проявляющиеся в развернутом высказывании следствия реализации сочетаемостных особенностей слова с метафорическим значением. Интертекст здесь является не просто дополнительным источником структурирования знаний, он позволяет сформировать «метафорический пучок» – так мы называем несколько метафор, сгруппированных вокруг общего гиперонима или слова, смысл которого входит в каждую из метафор, например: *конь* – {*тройка* (коней); *табун* (коней)}. Это особый способ оформления знаний, поскольку для него, по выражению М. Риффатера, «слова имеют значение вовсе не потому, что отсылают к предметам или понятиям или же к невербализованному универсуму в целом. Они приобретают значение через указание на те комплексы репрезентаций, которые уже полностью интегрированы в языковой универсум» (цит. по: [13, с. 126]).

Метафора «Государство – это музыкальный инструмент»: *Снять одежды – понежиться на морском песке, снова вернуть убежавшее солнце – это значит дать день искусственной ночи своего государства; перестроить струны государства, большого ящика звенящих проволок, по звукам солнечного лада* (Хлебников. Утес из будущего) [там же]. Результатами профилирования здесь являются не только единицы *государственный строй, единство*, возможно, *общество*, но и такая структура знаний, как идеал. В рассматриваемом высказывании «источник» взаимодействует не только с действительностью, но и с языком: глагол *перестроить* отсылает как к однокоренному слову *настроить*, так и к сочетанию *государственный строй* с первичным значением корневой морфемы, а также к метафоре «Государство – это дом (строение)», см.: *перестройка*. Стратегия интерпретации, применяемая к центральной для высказывания метафоре, позволяет видеть силлепс также и в слове *лад* – II. «Строй музыкального произведения, сочетания звуков и созвучий» и I. «Согласие, мир,

порядок» [11, с. 317–318], что дает возможность добавить к результатам профилирования единицу энциклопедической зоны концепта *государство – порядок*. Организацию высказывания, подобную этой, а именно такую, при которой устанавливается сложная сеть связей между буквальными и метафорическими значениями слов, в том числе опосредованно связанных друг с другом, мы называем «метафорическим венком».

Основные компоненты, или «источники», метафор *государства* являются, по определению Дж. Лакоффа, концептами базового уровня. Они могут быть обобщены с помощью нескольких концептов более высокого уровня:

- 1) *движущийся объект*: корабль, табун, машина;
- 2) *вместилище*: дом, город, крепость, загон, тюрьма;
- 3) *система*: машина, аппарат, оркестр, музыкальный инструмент, организм, церковь;
- 4) *семья*: мать, отец;
- 5) *жизненный цикл*: рождение, молодость, гибель; развитие, расцвет, загнивание, падение.

Обобщающие концепты задают образно-схематические идеализированные когнитивные модели (ИКМ), которые «специфицируют схематические образы, такие, как траектории, длинные, тонкие формы или вместилища» [7, с. 157]. В частности, *движущийся объект*, имея направление движения, задает образ-схему «линия», которая может объективироваться в речи: *Потому что линия Единого Государства – это прямая* (Замятин. Мы) [14]. *Система* и *семья* могут быть представлены в виде иерархической лестницы или дерева, что также проявляется в текстах: *Совершенствование и ветвление функций, усложнение иерархии: от князя и дружины – до президента, премьера, министров и замминистров с их аппаратами, генштаба и советов директоров* (Веллер. Кассандра) [10]. Упрощенный вариант *системы* – «щепочка», что отражается в метафоре *организм* и в высказывании: *Слагались, разлагались различные группы людских сцеплений; подготавливались причины образования и разложения государств, перемещений народов* (Толстой. Война и мир) [10]. В составной номинации *жизненный цикл* отражена

образно-схематическая модель круга. *Вместилище* само по себе является образ-схемой. Все это показывает, что сознание стремится оформить полученные в результате членения отраженной действительности знания с помощью предельно абстрактных схем, для чего наука использует символические языки математики и логики, а художественная речь – метафоры и их сочетания.

Так же, как и научный аппарат, инструменты познания, доступные художественной речи, включая метафору, постепенно совершенствовались. В текстах XVIII – первой трети XIX в. «источник» метафоры *государства* угадывается только по «метафорическим следствиям», то есть по употребляемым в одном высказывании со словом *государство* и прямо или опосредованно с ним связанным метафорам, относящимся к признакам или отдельным элементам государства, например: *Я... <...> ...предложил ему о спасении государства, описав все его изнурение* (Чулков. Пересмешник) [14]; *Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и стрястися от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя* (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву) [10]; *Становой хребет государству – мы... Разори нас – и государства нет, жить незачем* (Вяземский. Старая записная книжка) [там же]; *Что скажет императрица, вверившая нам кормило государства?* (Лажечников. Ледяной дом) [14]. При таком способе профилирования внимание рассредоточивается между источником метафоры, метафорическими следствиями и целью, тем более что источник редко восстанавливается однозначно. Так, например, *изнурение* и *становой хребет* могут относиться не только к человеку, но и к животному (скотине), особенно если принять во внимание, что эту группу можно расширить за счет стертой метафоры *иго*: *Мы приступаем ко освобождению целого государства из-под ига многочисленного и сильного варварского народа* (Чулков. Пересмешник) [там же]. *Позыбнуться* и *стрястися* могут земная поверхность, деревья, стены ломаемого дома, трон. Все это показывает, что художественное мыш-

ление в этот период еще не достигло того уровня обобщения, которое в принципе ему доступно. Оно слишком привязано к осмысливаемой ситуации и к ее деталям. Не случайно на этом этапе метафорическое значение несут прежде всего прилагательные, глаголы, отглагольные существительные.

Анализ истории развития естественного языка заставил Э. Кассирера поддержать точку зрения В. Гумбольдта, настаивавшего на примате предложения над словом. «Язык начинается со сложного целостного выражения, и лишь потом в нем постепенно выделяются элементы, относительно самостоятельные единицы низшего уровня», – пишет ученый [4, с. 246]. Против этого возражает Е.С. Кубрякова, поскольку имя появляется в онтогенезе раньше высказывания, а гипотеза о параллелизме филогенеза и онтогенеза имеет достаточно серьезные основания. Не вдаваясь в проблемы эволюционной лингвистики, заметим, что появлению предикатной метафоры, то есть высказывания, в котором субъект обозначает цель, а предикат – источник, и за именем существительным оказывается скрытым целый фрейм, действительно предшествует оформлению мысли в виде высказывания, что мы продемонстрировали выше. Объяснение этому дает Е.С. Кубрякова: прежде чем появится субстантивная номинация, в сознании говорящих должна сложиться «структура знания, которую следует обозначить» [6, с. 525].

Первые предикатные метафоры *государства*, напрямую задающие источник метафорической проекции, мы обнаружили у Н.В. Гоголя, например: *Государство без полномочного монарха – автомат* (Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями) [10]. Примечательно, что он же первым использовал *государство* в противоположной функции – в качестве источника: *Одни глаза их такое бесконечное государство, в которое заехал человек – и поминай как звали!* (Гоголь. Мертвые души) [там же]. Это дает нам основание указать на 40-е гг. XIX в. как на начало нового этапа развития художественного мышления. Он характеризуется также появлением развернутых метафор *государства*, например: *Москва, думал он, совершила свой подвиг, свела в себя, как в горячее сердце, все вены государства; она бьется за него; но Петербург,*

Петербург – это мозг России, он вверху, около него ледяной и гранитный череп; это возмужалая мысль империи (Герцен. Кто виноват?) [10].

Следующий этап мы связываем с усилением когнитивного потенциала метафоры за счет дополнительных ресурсов – интертекстуальных и системно-языковых. Он приходится на 60-е гг. XIX – первую треть XX века. В этот период появляются метафорические пучки и венки, широко распространяется развернутая метафора. На основе метафоры начинают строиться антиномии: *Государство (гуманность) запрещало убить насмерть одного и не запрещало убивать миллионы наполовину* (Замятин. Мы) [14]. Здесь обнаруживается влияние сложившегося к тому времени на российской почве философского дискурса, неотъемлемой чертой которого является антиномичность.

Последний этап, начавшийся в 40-е гг. XX в. и продолжающийся до сих пор, характеризуется распространением «метафорических цепочек» – так мы называем несколько метафор, представленных в одном или в ряде связанных высказываний, если их основные компоненты относятся к разным фреймам или сферам знания, например: *Русское государство было прежде всего инструментом общенационального спасения, мистическим аппаратом, метафизическим телом, поэтому русского государства фактически и не существовало, была его видимость, потемкинские деревни, строительные леса, от которых осталось много строительного мусора, и недаром Кюстин считал Россию империей фасадов* (Ерофеев. Бог X) [10]. В цепочках дробление отражаемой действительности как цель познавательного процесса представлено в предельно зримой форме. Стоящие за отдельными метафорами фреймы нередко оказываются несовместимыми (см. цепочку, относящуюся к концу предыдущего периода: *Я разрушаю... <...> ...государство, которое держит меня на цепи* (А.Н. Толстой. Хожение по мукам) [там же], формируемые ими денотативные пространства – калейдоскопичными, утрачиваются целостность отражения и смысловая плотность, обеспечивавшиеся метафорическими пучками и венками. Потери в качестве при увеличении

количества могут быть сигналом того, что метафора достигла предельного уровня своих когнитивных возможностей для данного этапа развития языка.

Испанский исследователь М. Санчес Пуиг отмечает, что в романских и германских языках слово *государство* происходит от общего индоевропейского корня **-sto-*, так что его внутренняя форма актуализирует смыслы «состояние, бытие», а испанское *estado* этимологически связано со *stare* – «твердо, прочно стоять». Язык, воздействуя на национальное сознание, укрепляет идею незыблемости государства. Ученый задается вопросом: «Что было бы, если бы в русском языке устоялся корень **-sto-* для обозначения понятия государства и государственности. Возможно, и история русского государства сложилась бы иначе» [15, с. 224].

В ответ на это следует сказать, что в XVIII и в самом начале XIX в. государство метафорически осмыслялось как статичный и весьма устойчивый объект – город, крепость, дом, например: *Гордитесь, тщеславные создатели градов, гордитесь, основатели государств* (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву) [10]; *Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство* (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву) [там же]. Стоит отметить, что в этот период метафорические следствия формируются вокруг имплицитного образа государства независимо от уже утраченной внутренней формы слова – «господство». Сложившийся образ изменился после войны 1812 г. вследствие метонимического переноса с армий на государства идеи движения. Бытийная семантика и семантика состояния уступила место семантике действия: *Вот какое взаимное было положение государств, одних восставших с духом алчности и насилия, другого предпочитавшего гибель постыдному покою!* (Давыдов. Три письма...) [там же]. Однако укрепление динамических метафорических образов имело не только социально-исторические корни. Язык делает заметным влияние развития естественных наук и техники на национальное сознание того периода. В 40-е гг. XIX в. появляются «биологические» и «технические» метафоры: *Не изменив ничего в государстве, дать силу России*

изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала (Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями) [10]; *Чтоб... <...> ...не увеличить сложность и без того уже весьма сложного государственного механизма* (Гоголь. Мертвые души) [там же]; *Государство без полномочного монарха – автомат* (Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями) [там же]. Хотя катахреза в первой половине XIX в. считалась стилистическим недостатком, мы полагаем, что противоречие между контекстом и внутренней формой слова *государство*, будь она другой, не перевесило бы общественного интереса к науке. Механизм переосмысления государства как динамической системы был запущен.

Для понимания национальных особенностей осмысления государства важно также, что после революции 1917 г. происходит смена антропоцентрической метафоры антропобежной. Если в XVIII и XIX вв. метафора превращала государство в часть обжитого человеком мира – город, дом, домашнее животное, корабль; его действия осмыслялись как действия старшего родственника – матери или отца (оно *благоволило, гордилось, кормило, к нему присасывались, у него жили на хлебах*), то в XX и XXI вв. государство стало противопоставляться человеку: *Если Р<озенталь> человек – он поймет, если он государство (то есть машина) – нужно прошение* (Цветаева. письмо О.Е. Колбасиной-Черновой от 7.03.1925) [там же]. В результате некоторые метафоры, созданные до и после 1917 г., оказались антиномичными, ср.: *Государство – не бог. Оно не имеет права отнимать то, чего не может вернуть, если захочет* (Чехов. Пари) [там же] и *Мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству* (Замятин. Мы) [14]. Самой значительной антиномией такого рода, отражающей растущую антропобежность, стала метафора «Государство – человек/не человек», ср.: *Призвание русского купечества, призвание ваше – раскопать руды народного богатства, разлить жизнь и силу по всем жилам государства* (Соллогуб. Тарантас) [10] и *Но государство – не человек, у него нет лица* (Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ) [там же].

На ментальные сущности, аккумулирующие в себе все три ступени познания: чувственное отражение мира, привлечение интертекстуального мира, символическое переосмысление накопленной информации указал Э. Гуссерль [2]. К таким сущностям можно отнести не только философские концепты, но и метафору, функционирующую в художественной речи.

Сильной стороной метафоры как инструмента познания является сочетание в ней раздельности и слитности элементов. Это то идеальное диалектическое соотношение, которого добивался А.Ф. Лосев: выявление «новых, более дробных моментов» и гармонизация их «в одну слитно-раздельную и напряженно-смысловую единичность» [9, с. 121].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. Н. Предисловие редактора / А. Н. Баранов // Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
2. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука, 2006. – 315 с.
3. Караулов, Ю. Н. «Государственность» как образ государства в обыденном сознании носителя языка-культуры / Ю. Н. Караулов, О. Д. Михайлов // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян / под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко, И. В. Ружицкого. – М. : Азбуковник, 2006. – С. 66–117.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Унив. кн., 2001. – 271 с.
5. Красных, В. В. Понятие как предмет изучения лингвокультурологии: постановка проблемы (на примере понятия «государство») / В. В. Красных // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян / под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко, И. В. Ружицкого. – М. : Азбуковник, 2006. – С. 118–125.
6. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
7. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 792 с.
8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Самое само : Сочинения. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 29–204.
10. Национальный корпус русского языка. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
12. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 256 с.
13. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности : пер. с фр. / Н. Пьеге-Гро ; общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
14. Русская классика: Библиотека Максима Мошкова. – М. : Равновесие, 2007. – Электрон. текстовые дан. – 1 электрон. диск (CD-ROM).
15. Санчес Пуиг, М. О государстве, «Государстве» и государственности / М. Санчес Пуиг // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян / под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко, И. В. Ружицкого. – М. : Азбуковник, 2006. – С. 212–225.

METAPHOR EVOLUTION AS AN INSTRUMENT OF COGNIZABLE REALITY FRAGMENTATION

O.V. Evtushenko

The paper deals with the cognitive potential of a metaphor in its evolution. Metaphorical nominations of the «state» actualized in the Russian prose of XVIII–XXI centuries are analyzed as concept pairs, chains, beams, clusters. The author concludes that conceptual and metaphorical levels of the concept «state» are of isomorphic structure.

Key words: *cognition, literary text, concept structure, metaphor, cognitive mapping.*